

The Four Wives

Четыре Жены

Эмир Багдада, Нусраин Аль-Хакк (да будет жизнь его долгой) услышал о прибытии в его город человека, который считался самым мудрым из всех. Его интерес был вызван, в частности, утверждением этого скромного крестьянина о том, что он путешествовал годами и прошел тысячи миль, испытывая большие опасности и трудности в наводнениях, засухах, ледяных зимах и сухих пустынях с единственной целью добраться до этого дворца, который считается самым богатейшим из когда-либо построенных, чтобы обратиться к эмиру, самому влиятельному человеку во всем мире.

Будучи импульсивным и жестоким в использовании своих подданных, он приказал, чтобы мужчина был приведен к нему сразу, чтобы он испытал его мудрость против его тщеславных, хоть и красноречивых советников. Этот человек был найден дворцовой стражей в самой бедной части города, его сковали цепями и грубо протащили по улицам города, прежде чем бросили перед эмиром, который надменно сказал: *«Мои люди утверждают, что ты самый мудрый из всех, более мудрый, чем эти, уважаемые советники величайшего эмира из всех. Они потратили свою жизнь на приобретение знаний, и ты утверждаешь, что мудрее их? Докажи свою мудрость мне и моим советникам, или постигнет тебя смерть, которую никто никогда не испытывал.»*

Не испугавшись и не смеясь крестьянин, одетый в разорванную и грязную одежду, смело поднялся на ноги к изумлению, всех в комнате, потому что существовало правило дворца, что все, во время речей эмира, должны оставаться расprostертыми до тех пор, пока не будет приказано встать. Стража помчалась к нему, чтобы заставить его опуститься, но эмир, красный от гнева, махнул им и выплюнул: *«Говори мужик, ибо это могут быть последние твои слова, которые ты произносишь в земной жизни».*

Не обращая внимания, крестьянин остался стоять, откашлялся и медленно посмотрел вокруг на каждого в властной манере человека, который знал сердца людей и мог удовлетворить самые искренние желания. Затем он пристально посмотрел на Эмира и начал.

«Когда-то моим Господином, был эмир, который жил в стране множества купцов и великих богатств. Говорили, что он был самым богатым эмиром, который когда-либо жил, и роскошь, и красота, которые окружали его во дворце, были зрелищем, которое другие правители только мечтали увидеть. Он был доволен жизнью и имел четырех жен, был обручен с ними всеми в строгом соответствии с законом. Но его обещание относиться ко всем ним одинаково, с равной тщательностью и вниманием, не было исполнено им.

Эмир любил свою четвертую жену Бэлкис, больше чем других, и одаривал ее лучшими халатами и украшениями. Он угощал ее самыми прекрасными деликатесами, давал ей все, что она желала, и приказал своим рабам удовлетворять все ее желания и фантазии. Бэлкис умела приятно говорить, она была полна остроумия и юмора, дабы облегчать бремя управления государя этим могущественным царством.

Эмир любил свою третью жену почти так же, как и свою четвертую, и регулярно показывал ее, завистникам из соседних королевств. Ее звали Джамия, потому что она была самой красивой из всех женщин в мире. Ее формы, ее изящество, ее смех, ее нежные ласки были пленительны настолько, чем мог бы представить себе любой человек. Однако эмир опасался, что однажды прекрасная Джамия оставит его уйдя к другому; потому что многие богатые и властные люди желали ее, и он слышал, как она говорила, что за ее кражу обещан огромный выкуп великим соперником эмира из далекой страны.

Эмир также любил свою вторую жену, потому что она была его самым близким человеком и всегда была добра, внимательна и терпелива с ним. Ее звали Худа, и всякий раз, когда он сталкивался с дилеммой, он доверял ей, и она помогала ему прийти к мудрым решениям. Ибо Худа была проницательна в вопросах благосостояния и была главной причиной того, что эмир мог платить за лояльность дворян из провинций его королевства.

Однако первая жена Эмира Халида была самой верной из всех. Несмотря на то, что она вносила большой вклад в поддержание его здоровья, богатства и его королевства, у нее не было остроумия и юмора четвертой жены, Бэлкис. И у нее не было восхитительной красоты и чувственности Джамилы, третьей жены. И у нее не было финансовой проницательности Худы, второй жены. Эмир не любил Халиду, он почти не замечал ее постоянного присутствия у его ног, несмотря на то, что знал ее ценный вклад в его успех. Тем не менее, несмотря на это, она очень любила его и служила ему верой и правдой днем и ночью. Но при всей ее лояльности, он относился к ней не лучше, чем к рабе и её даже высмеивали почтенные советники Эмира.»

В зале царил полная тишина, прерываемая лишь обычным тяжелым хрипом дыхания эмира, вызванного годами излишеств. Крестьянин оглянулся на всех с острым и проницательным взглядом и, наконец, остановил взгляд на эмире, который с недоумением уставился на него в ответ.

«Однажды мой Господин, по воле Аллаха Вседержителя, тяжело заболел, и, зная, что ему осталось мало времени и что он вскоре потеряет роскошь и наслаждения своей богатой жизни, он сказал себе: «У меня есть четыре жены - радость жизни, благословение вечности и зависть других. Но когда я умру, я останусь один. У меня осталось всего несколько часов в этом мире, поэтому я поговорю с Бэлкис, моей любимой четвертой женой, потому что она скорее всего захочет присоединиться ко мне в вечности». Призывая свою четвертую жену, он сказал ей: «Бэлкис, моя возлюбленная, я полюбил тебя более, чем любую из женщин, наделил тебя прекрасной одеждой и заботой. Теперь, когда я умираю, ты последуешь за мной и будешь рядом со мной?» «Нет, мой господин!»- ответила она. «Ты стар и должен идти один, потому что я еще молода и люблю жизнь больше, чем когда-либо любила тебя и выйду замуж за визиря Абдулу, когда ты умрешь». И зная, что эмир был слишком шокирован и ослаблен, чтобы даже ответить, она повернулась и ушла без слов. Ее ответ обрушился как острый нож прямо в его сердце, и он был ошеломлен горем, потому что это была жена, о которой он заботился всем своим сердцем и богатством, а она даже не хотела идти за его саваном!

Прекрасная Джамия, его третья жена, непременно последует за ним и украсит его своей красотой в будущей жизни. Итак, печальный Эмир вызвал Джамилу, его третью жену, и сказал ей: «Джамия, моя возлюбленная, я любил тебя всю свою жизнь, чтил и украшал твою красоту, делая тебя самой желанной женщиной во всем мире. Теперь, когда я умираю, ты будешь следовать за мной и будешь рядом со мной?» «Нет, мой господин!»- ответила она. «Жизнь слишком хороша! Когда ты умрешь, я выйду за твоего извечного врага эмира Хусейна, потому что он предложил мне защиту от нищеты и такую же роскошную жизнь». Когда она повернулась и ушла, его сердце погрузилось в глубины отчаяния и холода, смерть коснулась его плеча, ибо терпение, как установил Господь, не является достоинством Смерти.

В отчаянии теперь эмир вызвал Худу, свою вторую жену, и сказал: «Моя возлюбленная Худа, я всегда обращался к тебе за помощью, и ты всегда была рядом, чтобы правильно советовать мне. Когда я умру, ты будешь следовать за мной и будешь рядом со мной?» «Нет, мой господин, я не могу», - ответила она. «Я буду следить за твоей гробницей, но не более того», -

сказала она и ушла. Ее ответ грянул как молния, и он был опустошен, и думал, что он совсем один, без друга, что поддержит его, и без товарища, что пойдет с ним в Смерть, которая уже стояла рядом с ним.»

Но вдруг раздался голос: «Господи ... я уйду с тобой и пойду за тобой куда угодно». Король посмотрел вниз, эта была первая жена Халида, умащавшая ему ноги маслом. Она была тонкой и потрескавшейся от недоедания и пренебрежения, и осунувшаяся от постоянных поклонов каждой его прихоти и фантазии. Очень огорченный, эмир сказал: «Дорогая Халида, моя первая любимая жена, как бы я хотел, чтобы я заботился о тебе, когда у меня был такой шанс, потому что ты действительно единственная из моих четырех жен, которая действительно любила меня. Как бы я хотел, чтобы я знал это до сего судьбоносного часа.»

Зал был в ошеломительной тишине, когда крестьянин добавил: «В самом деле, мой Господин, он должен был это знать, как и все мы!»

Оглядев зал, как тот, кто знает глубинные тайны всех сердец, крестьянин продолжил обращаться к присутствующим: «По правде говоря, о последователях пути наслаждения, у всех нас есть четыре жены в нашей жизни: наша четвертая жена - наше тело. Независимо от того, сколь времени и усилий мы щедро заставляем его выглядеть лучше, оно оставит нас, когда мы умрем. Наша третья жена - это наше имущество, статус и богатство. Когда мы умрем, оно уйдет к другим, тем кто получит прибыль от наших трудов, и не будут заботиться о том, кем мы были, и они могут быть даже нашими смертельными врагами в жизни.»

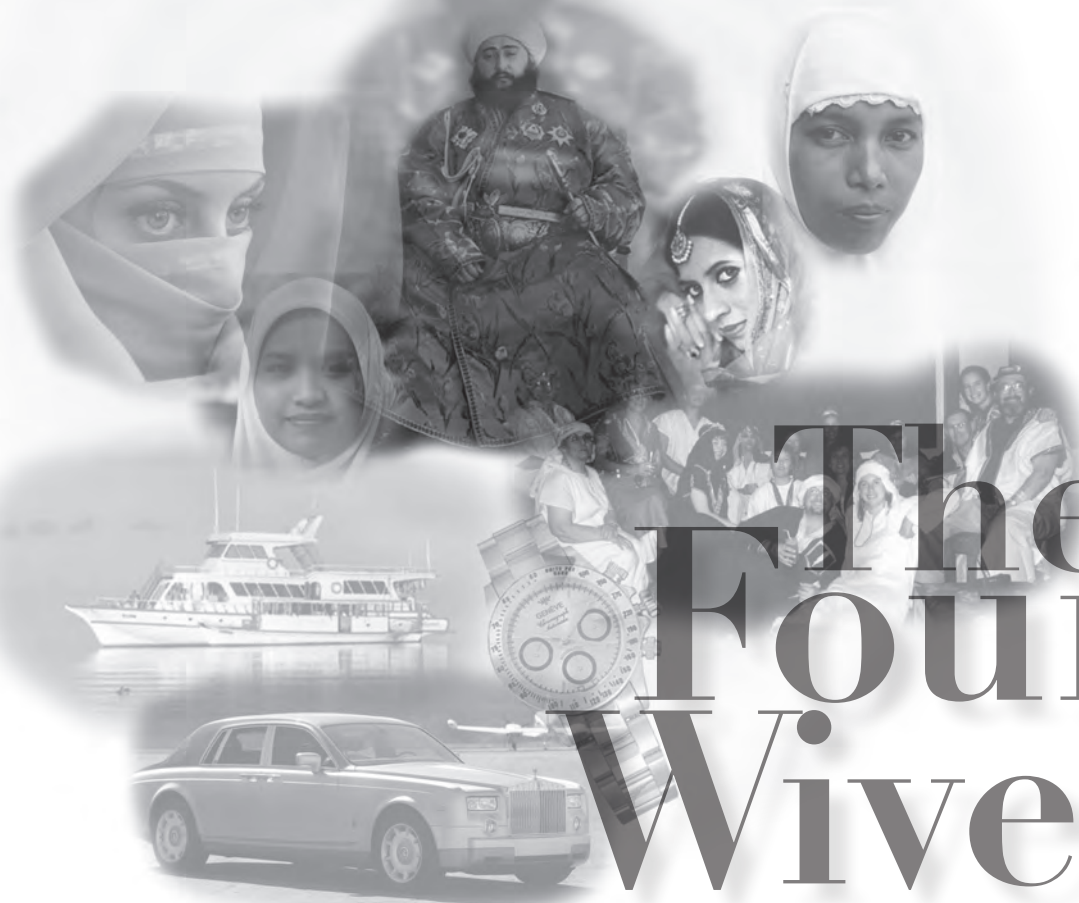
Глядя на эмира, он продолжил: «Наша вторая жена, о великий защитник веры, - наша семья и друзья. Независимо от того, кем бы они не были для нас в жизни, самое большее, что они могут - это навешать нашу

могилу. Но наша первая жена ...» он сделал паузу и огляделся, «это наша душа. Часто пренебрегаемая стремлением к богатству, могуществу и другими удовольствиям этого мира, душа является единственной вещью, которая будет следовать за нами, куда бы мы ни пошли, единственным истинным соратником, которого мы когда-либо имели. Поэтому, создайте, укрепляйте и берегите свою душу сейчас, потому что это единственная часть вас, которая будет с вами всегда, действительно на всю вечность.»

Никто не мешал и не смотрел в его сторону, крестьянин поклонился и ждал ответа эмира. Но великий эмир Багдада молчал, печально глядя в землю. Великий мрак спустился на него, и он сел на трон, думая о том, что сказал крестьянин в течение двух полных дней, прежде чем вернулся к своим старым занятиям. Но среди его гостей были иные, которые были глубоко тронуты словами этого мудреца и ушли изменившись навсегда, с печалью и раскаянием за собственное пренебрежение к своим душам.

Никто не знает, что случилось с этим мужем мудрых слов, ибо в тишине, что стояла после его заключительных слов, никто, даже стража эмира и уважаемые мудрецы, не заметили, как учитель сердец, легендарный Мустафа Мудрый из Кордовы, тихо проскользнул через дверной проем, чтобы его больше не видели.

The Four Wives

by Amelia

THE EMIR OF BAGHDAD, NUSRAYN Al-Haqq (may he live long) heard of the arrival in his city of a man who was reputed to be the wisest of all. His interest was piqued particularly by this lowly peasant's claim that he had travelled for years and thousands of miles, enduring great danger and hardships through floods, droughts,

icy winters and parched deserts with the sole purpose of reaching this palace, reputed to be the most lavish ever built, to address the Emir, the most powerful man in all the world.

Being impulsive and brutal in the treatment of his subjects, he ordered that the man be brought into his presence at once to prove his wisdom against that of his own conceited

though eloquent advisers. The man was found by the palace guards in the poorest part of the city, chained and roughly dragged through the streets before being thrown before the Emir who haughtily said: "My people claim you are the wisest of all, wiser even than these, the esteemed advisers of the greatest Emir of all. They have spent their lives in the acquisition of knowledge and you would claim to be wiser than them? Prove your wisdom to me and my counsellors or you will experience a death that no man has ever endured."

Far from being afraid, the peasant, dressed in a torn a dirty robe boldly rose to his feet to the astonishment of everyone in the room, for it was palace custom that everyone spoken to by the Emir should remain prostrate until ordered to rise. The guards raced towards him to force him down but the Emir, flushed red in the face with rage, waved them away and icily spat: "Speak peasant, for these may be the last words you utter in earthly life."

Undeterred, the peasant remained standing, cleared his throat and slowly looked around at everyone in the manner of a man of power who knew men's hearts and could grant their fondest wishes. Then he fixed his eyes upon the Emir and began.

Once upon a time my Lord, there was an Emir who lived in a country of many merchants and great riches. It was said that he was the wealthiest Emir who had ever lived and the opulence and beauty that surrounded him in his palace were a sight that rulers from far and wide coveted to see. He was content and happy with life and had four wives, betrothed to him all in strict accordance with the law. But his promise of treating them all equally and with the same care and attention that their dowries had bought, was not honoured.

The Emir loved his fourth wife Balqis by far the most and adorned her with the finest robes and jewellery. He treated her to the finest of delicacies, gave her whatever she desired and ordered his slaves to cater to her every wish and fancy. For Balqis was a delight to speak to, and was full of wit and humour to lighten the burden of ruling this mighty kingdom.

The Emir loved his third wife almost as much as his fourth and showed her off regularly to envious visitors from neighbouring kingdoms. Her name was Jamilah for she was the most beautiful of all women in the world. Her form, her grace, her laughter, her gentle caresses, were more than any man could hope for.

However, the Emir feared that one day lovely Jamilah would leave him for another man; for many men of wealth and power desired her and he had heard it said that a great bounty had been placed on her capture by a great rival of his in a far off land.

The Emir was also fond of his second wife, for she was his most intimate confidante and was always kind, considerate and patient with him. Her name was Huda, and whenever he faced a dilemma he would confide in her and she would assist him to come to wise decisions. For Huda was astute in matters of wealth and was the main reason that the Emir could pay for the loyalty of the provincial chiefs of his kingdom.

The Emir's first wife Khalida however, was the most loyal of them all. Although she had made great contributions in maintaining his health, wealth and kingdom, she did not have the wit and humour of the fourth wife, Balqis. Nor did she have the ravishing beauty and sensuality of Jamilah, the third wife. And nor did she have the financial acumen and astuteness of Huda, the second wife. The Emir did not love Khalida, indeed he hardly noticed her constant presence at his feet, despite knowing her valuable contribution to his success. Yet, despite this, she loved him deeply and served him loyally day and night. But for all her loyalty, she was treated no better than a slave, and was even derided openly by the Emir's esteemed advisers.

There was complete silence in the hall, broken not even by the usual heavy wheeze of

No matter how much time and effort we lavish in making it look good, it will leave us when we die.

the Emir's laboured breathing, caused by years of overindulgence. The peasant looked around at everyone with a sharp and penetrating gaze, and finally rested his eyes on the Emir before him who stared back with bemused annoyance.

One day, my Lord, by the will of Allah the Almighty, the Emir fell gravely ill, and knowing that his time was short and that he soon would lose the luxury and delight of his opulent life, he said to himself: "I have four wives and a life of delight even the blessed of eternity would envy. Yet when I die, I shall be alone. I have but a few hours left in this world, so I will speak to Balqis, my beloved fourth wife, for surely she wishes to join me in eternity." Summoning his fourth wife he said to her: "Balqis, my beloved, I have loved you more than any woman, endowed you with the finest clothing and showered

great care over you. Now that I am dying, will you follow me and keep me company?" "No my lord!" she replied. "You are old and must go alone, for I am yet young and love life more than I have ever loved you and will marry your Vizier Abdul when you die." And knowing that the Emir was too shocked and weakened to even reply, she turned and walked away without another word. Her answer cut like a sharp knife right through his heart and he was overcome with grief, for this was the wife he had cared for with all his heart and material possessions, and she was not even prepared to accompany him beyond the grave!

But lovely Jamilah, his third wife, would surely follow him and grace him with her beauty in the hereafter. So the sad Emir summonsed Jamilah, his third wife and said to her: "Jamilah, my beloved, I

When we die, they go to others who profit from our labours, and care not who we were, and may even have been our mortal enemies in life.

have loved you all my life and honoured and adorned your beauty, making you the most desired woman in all the world. Now that I am dying, will you follow me and keep me company?" "No my lord!" she replied. "Life is too good! When you die, I will marry your lifelong enemy Emir Hussein, for he has offered me protection against poverty and a life as luxurious as you have led." As she turned and left his heart sank into the depths of despair and the chill of death touched his shoulder, for patience, as my Lord knows, is not a virtue of Death.

In desperation now, the Emir summonsed Huda, his second wife and said: "My beloved Huda, I have always turned to you for help and you have always been there to advise me rightly. When I die, will you follow me and keep me company?" "No my lord, I cannot" she replied. "I will help you to your grave, but no more than that," she said and walked away. Her answer came like a bolt of lightning, and he was devastated, for now, he thought, he was completely alone, without a friend to turn to, and without a companion to accompany him with Death who was by now right by his side.

Then a voice called out: "My Lord..., I will leave with you and follow you wherever you go." The King looked down, and there was Khalida, his first wife anointing his feet with oil. She was thin and bedraggled from malnutrition and neglect and stooped over from permanently bowing down to his every whim and fancy. Greatly grieved, the Emir said:

"Dear Khalida, my beloved first wife, how I wish I had taken better care of you when I had the chance, for you are indeed the only one of my four wives who really loved me. How I wish I had known this before this fateful hour."

The room was in stunned silence as the peasant added: *Indeed, my Lord, he should have known this, as indeed we should all!*

Gazing around the hall as one who knows the deepest mysteries of all hearts, the peasant continued by addressing the crowd: *In truth, oh followers of the path of comfort, we all have four wives in our lives: Our fourth wife is our body. No matter how much time and effort we lavish in making it look its best, it will leave us when we die. Our third wife is our possessions, status and wealth. When we die, they go to others who profit from our labours, and care not who we were, and may even have been our mortal enemies in life.*

Looking at the Emir he continued: *Our second wife, oh great defender of the faith, is our family and friends. No matter how much they have been there for us in life, the furthest they can come is to our graveside. But our first wife... he paused and looked around, is our soul. Often neglected in the pursuit of wealth, power and the pleasures of this world, the soul is the only thing that will follow us wherever we go, the only true companion we will ever have. Therefore, cultivate, strengthen and cherish your soul now, for it is the only part of you that will be with you always, indeed for all eternity.*

No one stirred or looked up as the peasant bowed and waited for the Emir's response. But the great Emir of Baghdad remained silent, staring sorrowfully at the ground. A great gloom had descended upon him and he sat on his throne thinking of what the peasant had said for two full days before he returned to his old ways. But there were others amongst his guests who were deeply touched by the words of this wise peasant and went away changed forever, with sorrow and contrition for their own disregard for their souls.

No one knows what happened to this peasant of wise words, for in the silence that followed his concluding words, no one, not even the Emir's guards and esteemed wise men, noticed as the teacher of hearts, the legendary Mustafa the wise of Córdoba, slipped silently through a doorway never again to be seen.

